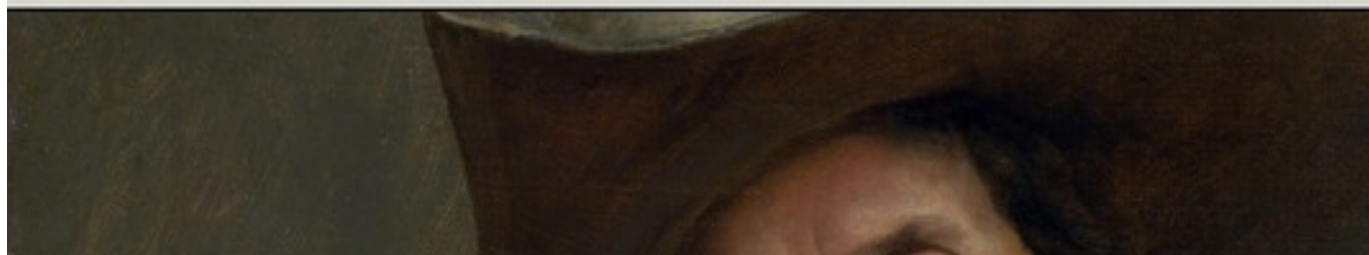

Владимир Горбань

*Записки
старого
хрыча*

Пока еще не только мемуары

Владимир Владимирович Горбань

Записки старого хрыча

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17209246
ISBN 9785447454814*

Аннотация

Это сборник в основном ироничных новелл с элементами воспоминаний и рассуждений о жизни, ее материальных и духовных проявлениях. В отдельных новеллах в качестве героев представлены реальные люди с реальными именами и фамилиями, что, конечно же, может вызвать определенное возмущение... Однако ко всем реальным людям автор относится с любовью и почтением и лишь самого себя называет старым хрычом, что вполне соответствует его истинному мироощущению.

Содержание

Вступительное слово	5
О себе беспристрастно	6
Город – призрак	7
Запорожский казах	9
Геолог – интеллигент	11
Молодые ученые	13
Котлеты	15
Моя первая книга	17
Кузьмич	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Записки старого хрыча
Пока еще не только мемуары...
Владимир Владимирович Горбань

© Владимир Владимирович Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Не хотелось бы, чтобы этот сборник новелл воспринимался читателем как мемуары слегка выжившего из ума пожилого литератора, безрассудно пустившегося на старости лет во все тяжкие своих воспоминаний. Ибо некоторые записи из этого цикла были сделаны автором в относительно молодом возрасте, когда он еще не был, как сейчас, слегка хром, немного слеп даже в очках, довольно глух на оба уха. Руки его не мучил мелкий трясун, мешающий попадать пальцами в нужные кнопки на клавиатуре компьютера и на голове, куда более волосистой, имелось меньше седины, а внутри ее больше здравого смысла.

Новеллы, представленные в этом сборнике, писались долго, мучительно, автор то откладывал их в долгий ящик, то вновь доставал, сдувал с них пыль времен и пытался приспособить для публикации в какой – нибудь захудалой газете типа «Аграрное Заволжье» или провинциальном юмористическом журнале «Балагур». И вот наступил такой торжественный момент, когда согласно постулатам марксистско – ленинской философии совершился диалектический переход количества в новое качество. То, что было написано по разным поводам и случаям за последние четверть века, автор посчитал возможным объединить под общим названием «Записки старого хрыча».

Продвинутый читатель непременно ухмыльнется, мол, хрыч – это и есть старый человек согласно всем толковым словарям. А старый хрыч – это также нелепо звучит, как масло масляное. Автор не будет спорить с продвинутым читателем, но и придумать более подходящее название для своего сборника воспоминаний он не в силах. Безвозвратно ушли в прошлое те годы, когда мозг хорошо фантазировал, и от новых идей не было отбоя. Теперь главное ничего не забыть и не перепутать...

Да, вот еще что, в некоторых новеллах упоминаются имена и фамилии вполне конкретных людей. И ведут они себя не всегда достаточно интеллигентно, а порой, прямо говоря, и вовсе не аристократически. Что тут поделать, такова жизнь! Ее и надо винить. А автор никого не хотел обидеть...

О себе беспристрастно

В жизни каждого человека случаются в той или иной мере веселые или забавные случаи, которыми в теплой компании хочется поделиться с друзьями. Мне в этом плане, я считаю, очень повезло. Судьба распорядилась так, что общаться мне довелось с весьма разными людьми: артистами, писателями, журналистами, представителями других творческих профессий, военнослужащими, работниками правоохранительных органов, профессорами, бандитами, жителями сельской местности, иностранцами, геологами, медицинскими светилами, шарлатанами, чиновниками, бизнесменами, ясновидящими, фокусниками, спортсменами, алкоголиками, долгожителями, красивыми женщинами, чудиками, изобретателями, религиозными деятелями, депутатами, исследователями НЛО, йогами, переводчиками, адвокатами, компьютерными гениями, гастарбайтерами, наркоманами, телеведущими, бездельниками, мультипликаторами, путешественниками, картежниками, изобретателями, бичами, монтажниками, представителями малых народов, фармацевтами, бомжами, культуристами, сумасшедшими, гениями, педагогами, партийными деятелями, неизлечимыми больными, москвичами, героями, мастерами восточных боевых искусств, работягами, потомками Сталина...

Одни забавные истории, к моему сожалению, не удержались в голове, другие наоборот оставили в памяти глубокие зарубки. И однажды, собравшись с духом, я решил их записать. А когда таких уже записанных историй набралось достаточно много, то и издать книгу.

Поскольку я человек уже вполне пожилой и к тому же достаточно язвительный, другими словами вполне хрычовый, то и книга называется «Записки старого хрыча». Читайте, честное слово, я старался при ее написании.

Город – призрак

Однажды по Интернету мне пришло письмо из Германии следующего содержания:

«Здравствуйте, Владимир! Обращается к Вам пожилая супружеская пара. Мы, поволжские немцы, иммигрировавшие из Советского Союза более 30 лет назад. И мы совсем уже отвыкли от той жизни. На сайте Вашего журнала мы прочитали несколько юмористических рассказов, повествующих о жизни в нынешней России. Однако мы иногда смотрим некоторые российские телеканалы с помощью спутниковой антенны. И Ваши рассказы, как нам кажется, имеют мало общего с тем, что показывают по телевидению. Например, в рассказе об орнитологах Вы пишете, что...»

Я ответил на письмо следующим образом:

«Рассказ об орнитологах я написал в 1985 году. С тех пор прошло 24 года, и жизнь в России резко изменилась. Она также сильно отличается в зависимости от того, где люди живут. Столичные жители плохо представляют себе образ жизни в глухой провинции. И наоборот, жители какой – нибудь деревни Грязевки, лишённые всяких благ цивилизации, даже мыслят иначе, нежели москвичи».

На следующий день получаю по Интернету письмо:

«Уважаемый Владимир! Мы прочитали другие Ваши рассказы и не можем понять, Вы живёте в столице или в провинции?»

У меня было игривое настроение и я, недолго думая, решил пошутить в свойственной мне манере запредельной иронии. Я написал следующее:

«Я живу в провинции, в городе Раздолбайске Раздолбайской области России».

Прошло четыре дня, и я уже решил, что немцы обиделись на мой такой, откровенно говоря, не совсем корректный ответ. Однако на пятый день таки пришло письмо:

«Здравствуйте Владимир! Мы супругой детально изучили карту России, но не нашли на ней ни города Раздолбайска, ни Раздолбайской области. Мы связались с местным университетом, где нам авторитетно заявили, что Раздолбайской области в России нет, а есть Ростовская область. Убедительно просим Вас сообщить нам, далеко ли находится Раздолбайск от Ростова на Дону?»

Я, не долго думая, отписал короткий ответ:

«Раздолбайск находится в 180 километрах юго – восточнее города Саратова».

Прошло четыре, а может и пять дней прежде, чем я получил новое письмо. Немцы явно увлеклись географией.

«Здравствуйте Владимир! Мы с супругой детально изучили карту Саратовской области, но Вашего города так и не нашли. Мы связались с местным университетом, где нам авторитетно заявили, что Раздолбайска может не быть на подробной карте в лишь том случае, если это очень маленький населённый пункт. Просим Вас уточнить, какое количество жителей проживает в Раздолбайске?»

Переписка меня уже настолько развлекла и увлекла, что я с огромным удовольствием продолжил «валять Ваньку».

«По китайским меркам наш городок совсем крошечный. В нем проживает около 30 тысяч жителей».

Следующее письмо пришло примерно через неделю. И я уже почти отчаялся его ждать.

«Здравствуйте Владимир! Мы с супругой посоветовались с нашими соседями и решили, что Ваш город по европейским меркам совсем даже не маленький. В нашем городке проживает всего 12 тысяч жителей, но он нанесен на все карты мира. Мы связались с местным университетом, где нам авторитетно заявили, что такой крупный город обязательно должен присутствовать на всех географических картах, если, конечно же, он

не является какой – нибудь секретной военной базой. Убедительно просим Вас сообщить нам, не является ли Раздолбайск секретной военной базой или другим объектом государственной тайны?»

От такого вопроса мне сделалось совсем разухабисто весело, и я продолжил прикалываться над пожилыми немцами:

«Нет, наш городок не является ни военно – морской базой, ни секретным ракетным полигоном. А нет его на карте, возможно, потому, что он по своей площади занимает очень мало места и мы все 30 тысяч жителей Раздолбайска проживаем в одной панельной пятиэтажке».

После такого моего письма наступило затишье в нашей переписке. И я решил, что немцы обиделись на мои дурацкие шутки. Но прошло две недели, и я получил долгожданное письмо:

«Здравствуйте Владимир! Мы связались с местным университетом и нам, к сожалению, ученые не могли дать внятного ответа. Тогда мы связались с главным архитектором нашего городка, и он нам авторитетно заявил, что если 30 тысяч человек живут в одной пятиэтажке, то либо она очень большая, либо квартиры в ней очень маленькие. Не могли бы Вы уточнить площадь Вашей квартиры. С нетерпением ждем Вашего ответа».

Я написал, что жилье у меня скромное, владею в четвертом подъезде двумя комнатами общей площадью 43 квадратных сантиметра.

Ответили они мне буквально в тот же день:

«Здравствуйте, Владимир! Мы перечитали всю переписку и поняли, что Вы шутите. Смеялись мы с женой так, что с первого этажа прибежала наша перепуганная дочь, полагая, что мы сошли с ума. Спасибо Вам за ваш замечательный розыгрыш».

Запорожский казах

В начале 90 – х годов XX столетия, когда Великая Советская Империя уже развалилась на полтора десятка суверенных государств, но эти независимые государства еще толком не обрели настоящей самостоятельности, произошла эта забавная история.

Как – то прогуливая своего пса, одна очень малоизвестная, но много пишущая саратовская поэтесса Валентина Федотова вместе со своим псом, помесью овчарки с волкодавом, забрела вечером ко мне в гости. Псина сразу же рванула на кухню, сбила мордой крышку с кастрюли, стоявшей на кухонной плите и в одно мановение ока сожрала щи, заготовленные мною на неделю, а то и полторы вперед.

– Хорошая собачка, – произнес я упавшим голосом, – очень воспитанная.

Но Валентина на мои слова никак не отреагировала.

– Я на минутку, – затараторила она, – тебя очень хотел видеть один украинец из Казахстана. Он горит желанием обыграть тебя в преферанс. Прямо заиклился на этой теме. Василий Иванович Муравицкий. Не знаешь такого?

– Да откуда мне его знать! – крикнул я с обидой, мысленно помянув лихо умятые собачкой щи.

– Приходи завтра вечером ко мне. Там и познакомитесь, – поэтесса развернулась на каблуках. – Бакс, за мной!

И они исчезли, как шальные деньги у кутилы.

На следующий вечер я совершил визит к Валентине.

– Тут он, тут, – засуетилась она у порога, – на кухне тебя дожидается.

Я прошел на кухню, где стоял резкий запах жаренной картошки на прогорклом свином жире. За столом на разбитой табуретке в рваненьком трико и майке сидел слегка захмелевший... казах. Во всяком случае, о национальной принадлежности буквально кричала его очевидная азиатская внешность.

Мужчина приподнялся и протянул мне руку:

– Василий Иванович Муравицкий из Алма – Аты.

Я решил, что это какой – то дурацкий розыгрыш поэтессы. Но этот странный казах будто почувствовал мое недоумение и буднично произнес:

– Не верите, сейчас я вам свой паспорт покажу.

Он ушел в комнату и вернулся очень скоро, протягивая мне красную книжцу, паспорт советских времен. Советский Союз уже несколько лет как канул в Лету, бывшие республики единой некогда страны уже реально отделились, но люди еще продолжали жить с серпасто – молоткастыми документами.

Я машинально взял паспорт, раскрыл его, а затем рот. Под фотографией было черным по белому написано: Муравицкий Василий Иванович, украинец. И уже совсем я обалдел, когда мой новый знакомый без всякого стеснения и акцента заговорил на украинском языке:

– А вы давно булы на ридной батьковщине? Чи вы нэ розмовляете украинською мовою?

Я украинською мовою розмовляю.

Незадолго до этого на Украине я видел по телевидению трансляцию какого – то мексиканского сериала, который дублировался на украинском языке. Хохотал при этом до умопомрачения.

– Хуан, дывысь, яка гарна дивка идэ!

– Та бачу, шо у мэнэ чи глазьив нэма?

– А тож!

На этот раз я испытал настоящий шок. Типичный казах буднично разговаривал на чистом украинском языке.

Все выяснилось во время застолья.

– Мой прадед Иван Васильевич Муравицкий был потомственным запорожским казаком, – начал свой рассказ мой новый знакомый. – Он по партийному призыву приехал в 20 – годы из Запорожья в Казахстан укреплять советскую власть. Работал на высоких хозяйственных и партийных постах. Но, когда ему было уже хорошо за сорок, и он уже был наркомом, он встретил молодую красивую казахскую девушку. И страстно влюбился в нее. Потом женился, родился мой дед Василий Иванович Муравицкий, который тоже стал крупным партийным и государственным деятелем. Ему тоже нравились молодые красивые казашки. В результате такой любви появился мой папа Иван Васильевич Муравицкий...

– Который тоже полюбил молодую красивую казашку и был большим человеком в Казахстане? – сыронизировал я.

– А откуда ты знаешь? – искренне удивился Василий Иванович.

– Да так, интуиция подсказывает. Ты, наверное, работаешь министром в правительстве Казахстана? И женат на самой красивой молодой казашке? – улыбнулся я, глядя на Василия Ивановича, который с каким – то ментальным удовольствием уплетал за обе щеки украинские галушки, очевидно, на заказ приготовленные поэтессой.

– Да, я работал заместителем министра автомобильного транспорта, – как – то буднично произнес Василий Иванович. – И был женат на самой красивой казашке Советского Союза.

– И что же случилось?

– Да так, – Василий Иванович обреченно махнул рукой. – Советский Союз развалился и теперь в Казахстане процветает национализм. Все славяне не в почете...

Я чуть не свалился с колченогой табуретки от такого признания. Передо мной сидел классический казах, человек с буквально образцово – показательной казахской внешностью и заявлял на полном серьезе, что он пострадал в своей стране от казахского национализма.

– Ты что, действительно, ощущаешь себя украинцем? – задал я вопрос, стараясь удержаться от душившего меня смеха.

– А то, – хитро улыбнулся Василий Иванович, разливая горилку с перцем по граненым стаканам, – я и во всех анкетах пишу: «запорожский казах».

Тут уж мы вместе рассмеялись от души, выпили по полной, обнялись как братья и затащили нашу украинскую: «Нэсэ Галя воду, коромысло гнэться...»

Геолог – интеллигент

Будучи студентом, я в летние каникулы, вместо популярных в ту пору стройотрядов, три сезона отработал в геологических экспедициях. Повидал всякого, ни в сказке сказать, ни на клавиатуре описать. Геологи, в силу своей опасной и физически тяжелой работы, люди, мягко говоря, малоинтеллигентные. И в глаз могут с разворота запросто заехать, и обматерить так, что даже бывшего сапожника в краску вгонят. И все же в любой профессии встречаются «белые вороны». Вот и мне довелось видеть одного геолога, о котором на Джугджуре ходили легенды.

Джугджур – горный хребет где – то между Хабаровским краем, Магаданской областью и Якутией. Места эти таежные, нелюдимые и опасные, где хозяин – бурый медведь и его величество – случай.

Фамилия у геолога была Соловьев, имя его и отчество уже давно стерлось в моей памяти. А знаменит он был тем, что никогда, ни при каких обстоятельствах не ругался матом. Многие полагали, что так он играл в интеллигента, но неожиданно выяснилось, что и в геологической среде бывают исключения.

У геологов, людей большей частью суеверных, существует примета: нельзя прикуривать от свечи – это к большой беде.

И вот однажды Соловьев в палатке на виду у всех, не найдя в кармане спичек, машинально прикурил от пламени свечи. Все ахнули. А самый старый геолог по прозвищу Бочман едва слышно произнес:

– Кранты. Это он насмерть себе сделал...

А через некоторое время Соловьев отправился в недельный маршрут. Отправился в одиночку, что было запрещено всеми инструкциями по безопасности. Взял он с собой лишь самое необходимое: карабин, патроны, палатку, спальник, котелок, рыболовные снасти, ветровые спички, примус, несколько пачек махорки и чая. Ушел налегке, без рации и сухого пайка.

Но Соловьев был не только опытным геологом, но и бывалым таежником. Для таких как он, тайга и горы – дом родной.

И вот в один из дней своего маршрута, когда он возвращался с объекта, и до палатки, разбитой на берегу ручья осталось менее километра, разыгралась ужасная непогода. Небо затянули низкие фиолетовые тучи. Порывистый ветер сбивал с ног. Со стороны Тихого океана надвигался шторм, который в горах особенно опасен. В небе засверкали огромные молнии, сопровождаемые оглушительными громовыми. Вот – вот должен был начаться проливной дождь.

Соловьев спешил в спасительную палатку. Если в ней разжечь примус, то можно относительно благополучно пережить любой ливень. Но, когда до палатки оставалось всего несколько десятков метров, небо озарила гигантская молния. Полыхнуло так, будто рядом взорвалась атомная бомба. Соловьев моментально ослеп и со страху рухнул на землю. Последующий гром еще и оглушил его. Геолог на какое – то время потерял сознание...

А когда от нахлынувшего ливня он очнулся, то обомлел. Его палатка сгорела от удара в нее молнии.

«Пронесло», – подумал Соловьев, не зная, какому Богу молиться.

Эту историю он рассказал коллегам, вернувшись из маршрута.

– Она не отстанет, – сделал вывод Бочман. – Это он насмерть себе тогда прикурил.

Опытные геологи с ним тут же согласились.

Полевой сезон подходил к завершению. Самопроизвольно собрался консилиум из опытейших таежников. Было решено, что в следующем году Соловьеву не стоит выезжать в экспедицию, стоит пересидеть год в Москве, чтобы обмануть судьбу. Так он и сделал.

Соловьев первый раз за 20 лет остался на лето в городе. Он ужасно мучился. Был недоулен липким асфальтом и теплой газировкой. Его раздражали снующие туда и сюда люди, автомобильная копоть, еда в столовой геологического управления и многое другое, к чему в начале весны, поздней осенью и зимой он был меланхолично равнодушен. Летний сезон он привык проводить в таежных просторах.

Как – то в пятницу после рабочего дня Соловьев решил съездить к себе на дачу. Хотя там побыть в одиночестве среди, хотя и жалкой, но растительности. Он сел в автомобиль и отправился за город. Погода вдруг начала резко портиться. По небу поползли тучи. Соловьев прибавил газу, чтобы успеть приехать на дачу до дождя. Он уже въехал в дачный поселок, когда на небе засверкали молнии. И в отдалении загромыхало. Начиная накрапывать мелкий противный дождь. Соловьев вылез из автомобиля, подошел к забору своего дачного участка. Калитка была заперта на надежный замок. Геолог порылся в карманах и с ужасом отметил, что забыл ключи дома. Он крепко задумался. Нужно было либо возвращаться домой, либо к чертовой матери свернуть замок и таким образом проникнуть на собственную дачу. Но его затяжные размышления прервала молния. Яркая вспышка озарила небо, а следом запылала дача Соловьева. Не забудь он дома ключи, стал бы вместе с дачным домиком жертвой стихийного бедствия. Был бы убит разрядом молнии.

Соловьев разумно рассудил, что от судьбы ему не уйти коли, даже в Москве за ним охотится электрическая убийца. Что два раза его пронесло мимо смерти только по счастливой случайности. Соловьев уверил себя, что третий случай будет роковым. И пусть уж он произойдет в тайге, подальше от близких друзей и родственников.

На следующее лето он с обреченным спокойствием отправился на суровый Джугджур.

Но полевой сезон на редкость складывался удачно. Все лето стояла прекрасная сухая погода. Как на лучших курортах. Только в конце сентября зачастили мелкие противные дожди. Геологи, во главе с Бочманом, засуетились, ожидая трагического финала.

И вот наступил тот день, когда небо заволочло тяжеленными черными тучами. Поднялся ветер, и засверкали жуткие молнии. Соловьев сидел в своей палатке и мысленно прощался с жизнью. В какой – то момент мужество его покинуло. Он выскочил из своей палатки и с сумасшедшим криком ворвался в шатровую палатку рабочих. В этот момент сверкнула гигантская молния. А Соловьев с разбегу ударился лбом в центральную стойку палатки. Из глаз его посыпались разноцветные искры. И тут грянул оглушительный раскат грома.

– Настигла, проклятая, – прошептал Соловьев и потерял сознание.

Все обошлось относительно благополучно. И все даже здорово посмеялись над этим, в общем – то нервным случаем. Но геологов удивил больше всего тот факт, что даже в момент смертельной опасности Соловьев не заругался по матери.

Молодые ученые

События эти случились примерно за десятилетие до окончания XX века. Академией наук СССР была организована конференция молодых ученых в славном городе Ростове Великом. Почему именно в этом городе и почему именно лютой зимой – сие мне неизвестно. Наверное, Париж, Лондон, Рим, Бостон, Торонто, Сидней, Сеул и Токио были еще не готовы раскрыть для нас свои гостеприимные объятия. Ну, а зима неудобна не сама по себе. Она неудобна холодами...

Ростов Великий, с одной стороны, – это всего лишь районный центр в Ярославской области, городок с населением чуть более 30 тыс. жителей. И никакой в нем науки, тем более академической, не наблюдалось. Но с другой стороны, Ростов потому Великим и зовется, что старше Москвы он будет годов на триста. Со своим Кремлем и интереснейшей историей...

Нашу саратовскую делегацию возглавлял Михаил Иосифович, тогда уже кандидат биологических наук, которому, страшно подумать, стукнуло уже за тридцать. Остальным было мал – мала меньше! Мне перевалило за четвертак, Ларисе, Оксане и Ирине на троих исполнилось 69...

Поселились мы в приличной гостинице из стекла и бетона в номерах со всеми удобствами, с ковравыми дорожками, с прекрасным видом из окон и вышколенным персоналом. Клопы и тараканы в такой роскоши не водятся...

А вот холодрыга в гостинице была несусветная! Даже под кучей одеял изо рта валил пар. Но мы были очень молоды и очень сильно грезил наукой. И нам все очень – очень нравилось! Даже имей на стеклах не снаружи, а внутри гостиничной комнаты...

Михаил Иосифович подъехал сутками позже. Он был мудрее, к тому же возглавлял нашу делегацию. И он поселился в Кремле. Вы жили когда – нибудь в Кремле?

Тогда читайте дальше...

Так вот, Михаил Иосифович разумно поселился в Кремле в бывшем монастыре в одной из бывших келий. Удобств там не было никаких, в маленькой полуподвальной комнате с одним окошком и двумя кроватями царил средневековый мрак и средневековый дух. Но было относительно тепло и без всякого отопления, монахи свое дело знали туго...

Конференция прошла блестяще, и потому нет никакого смысла ее описывать. Замечу лишь, все прекрасно выступили с докладами и получили мощный заряд энтузиазма. И в последний день организаторы конференции устроили для молодых ученых нечто вроде прощального вечера в стиле дворянских ассамблей. То есть до утра и с танцами...

Михаил Иосифович был большим любителем подобных мероприятий. А я, Лариса и Оксана – не очень. Поэтому, мы покрутились, повертели и решили перед поездкой обратно в Саратов хорошенько выспаться. Но холодрыга в гостинице, напомним, была несусветная! И мы пошли втроем ночевать к келью Михаила Иосифовича, зная, что он неутомимый тусовщик и без сомнения пробудет на вечеринке до самого утра...

Я, Лариса и Оксана, обзевавшись на ассамблее, спустились в келью. Кровать Михаила Иосифовича располагалась слева от входа. Узкая монашеская кровать. Свет зажигать мы не стали. Девчонки сняли юбки, дабы в дорогу не помять, и повесили их на спинки стульев. До этого мы толком не спали несколько дней, замерзая в гостинице. Втроем мы повалились на кровать, на удивление, очень даже неплохо на ней разместились и мгновенно уснули...

А на соседней кровати ночевал тоже относительно молодой ученый. То ли родом из Тулы, то ли из Воронежа. Поезд у него был ранним утром. Когда мы втроем вошли в келью, он проснулся. Проснулся, но с кровати не встал и голоса не проронил и тем самым себя никак не выдал...

Вот, в общем – то и вся история. Но в чем ее прелесть? Прелесть ее в том, что мы втроем уснули, а относительно молодой ученый так до самого поезда и не сомкнул глаз. Он ожидал...

Откуда я знаю, что относительно молодой ученый бдил до утра и чего он ждал? Да встретился я недавно в Москве с одним академиком. Слово за слово, вспомнили Ростов Великий. И долго – долго смеялись, утирая слезы, вспоминая ту самую монастырскую келью...

Котлеты

Рассказы я пишу давно, более двадцати лет. Сначала писал их для себя. Затем их стали читать друзья, близкие и всевозможные приятели. По большей части нахваливали, хотя были и такие, кто посмеивался над моим занятием, называя его ерундой.

В начале 90 – х годов XX века, когда в России случился разгул неконтролируемой демократии и на улицах городов частенько постреливали друг друга бандиты, жадно и беспощадно деля сферы влияния и криминальные деньги, мои веселые жизнеутверждающие рассказы стали регулярно печатать в газетах.

Первый литературный успех и первые гонорары окрылили меня. Я стал заниматься писательством профессионально, напроочь забросив работу в Академии Наук, которая перестала к тому времени не только кормить, но и приносить моральное удовлетворение.

Когда через пару – тройку лет было написано около трехсот рассказов, я решил разбить их на темы и издать в виде небольших сборников. Идея эта показалась мне не только удачной с точки зрения обретения писательской славы, но и коммерчески привлекательной. Последнее обстоятельство было ключевым, на ту пору я уже привык зарабатывать деньги, как многие думают, легким трудом, выводя авторучкой на листе бумаги буквы, превращая их в слова. Из слов составляя предложения, писал рассказ или короткую повесть.

Но дела в гору не пошли. Книжки продавались, а мне как автору иной раз доставались лишь жалкие копейки. За набор текстов, разработку дизайна сборника и его верстку пришлось платить издательствам, хотя к тому времени я уже достаточно бегло владел компьютером и все эти процедуры умел выполнять самостоятельно. А слава без денег, что щи без мяса...

И тогда я решил утереть нос всем и открыть свое собственное издательство. Быстренько зарегистрировал предприятие, снял крохотный офис для себя и напарника и купил в книжном магазине самонаборную печать. Ну, разве кто – то станет иметь дело с издателем, не имеющим своей фирменной печати?

И вот принес я это «конструктор» домой, удобно сел на диван, вскрыл упаковку и опечалился. Буквочки малюсенькие, не больше двух миллиметров. Их нужно взять пинцетом и в зеркальном отображении аккуратно воткнуть в желобки диска печати. Работа ювелирная и нервная. И не для моих рабоче – крестьянских мощных рук, привыкших больше к автомату Калашникова, черенку штыковой лопаты, боксерской груше, максимум интеллигентности – к авторучке. Я промучился с час, плюнул на это безнадежное дело и позвонил знакомой женщине, решив, что ей работа с пинцетом сподручнее. Как – никак многие женщины этим садистским инструментом умудряются себе брови выщипывать...

– Привет! – кричу ей в трубку. – Ты можешь мне помочь? – и вкратце объясняю ей суть проблемы.

– Конечно, – отвечает она, – приезжай, заодно мясо мне на котлеты перекрутишь. У меня сил не хватает.

Пока мылся – брился, свечерело. То есть времени на пустопорожние разговоры совсем не оставалось. Я прямо у порога протянул ей «конструктор» и набросок на бумаге с желаемым образцом оттиска и спрашиваю неспрашно:

– А где у тебя мясорубка?

– Да там на кухне. Я все уже приготовила.

Лето, жара – духота несусветная. Я ей и говорю:

– Можно, я рубаху скину. А то сейчас начну крутить мясо, пот с меня рекой хлынет.

– Делай, как знаешь, – отвечает она, – меня голые мужики не интересуют.

Вот, думаю, и хорошо. Как говорится, баба с возу – жеребцу легче.

А мясо она купила самое хреновое, одни жилы. Сижу, кручу, про себя матерюсь и потом, как пахарь в поле обливаюсь...

Заходит она через полчаса на кухню и говорит:

– Я закончила, держи свою печать.

– А мне, – сквозь зубы сообщаю, – еще пару минут потребуется.

Ну и продолжаю крутить ручку мясорубки, как бешенный.

Тут она подкрадывается ко мне сзади и кладет узкую холодную ладонь мне на потную спину.

– Может, останешься? Я сейчас котлет налеплю, нажарю. Поужинаем вместе, у меня в холодильнике вино домашнее стынет.

– Да мне завтра рано на работу, а дел еще срочных невпроворот, – соврал я.

– Дела подождут, а на работу от меня поедешь, отсюда вдвое ближе, – и она уже медленно наклоняет голову ко мне, готовая к страстному поцелую.

– Нет, – отвечаю ей самым решительным тоном, – сегодня никак не получится, сегодня мне в Интернет выходить надо.

И стал собираться. Она ничего не сказала, но у порога я в ее глазах прочитал упрек: «Ну и сволочь же ты, Владимир!»

Я вышел из подъезда ее дома. Духота еще не спала, но дышалось уже легче. Высоко в небе сверкали звезды, и желтела половинка луны. Легкий ветерок колыхал кусты шиповника, где – то вдали орал обиженный кот. Я прошел несколько метров по тополиной аллее, и вдруг мне так захотелось... Прямо сейчас, неукротимо, до умопомрачения, до беспамятства, до неприличия, до судорог внизу живота, до слюноотделения, на уровне животного инстинкта. Захотелось до детских капризных слез...

Захотелось домашних котлет!

И я завернул в ночной магазин. Купил килограмм свиной вырезки, луку, чеснока, острого кетчупа, десяток яиц, пакетик приправы для шашлыка.

Пришел домой, перекрутил мясо. Перекрутил головку чеснока и три средние луковицы. Добавил в фарш шашлычной приправы. Разбил туда три яйца. И плеснул рюмку настоящего французского коньяка. Запустил в чашку ручища и долго тщательно перемешивал фарш. Обалденный аромат распространился по всей квартире.

Потом я налепил котлет, выложил их на раскаленную сковороду с подсолнечным маслом и принялся готовить салат. Тонко порезал помидорчики, еще тоньше огурчики, лук колечками, болгарский перец дольками, выдавил немного чеснока, добавил укропчика, перчика, сельдерея, соли и много – много густой деревенской сметаны. И рюмочку французского коньяка добавил туда на всякий пожарный случай. Заварил крепчайшего чая...

Потом закурил и подумал: «Какой же я все – таки молодец!»

Просто женщина, с которой мне действительно хотелось провести время, была недосягаемо далеко...

Моя первая книга

В начале дурнопамятного 1998 года незадолго до августовского дефолта встретился я в Саратове с одним известным поэтом по его просьбе. Он привел меня в свою маленькую, с единственным окном, квартирку, расположенную на первом этаже в старом обшарпанном доме на Первомайской улице. Домишко производил угнетающее впечатление еще и потому, что рядом располагалось похоронное бюро. И проходя мимо него глаз, невольно натывался на траурные венки, похоронные ленты и крышки гробов, обитых красной или черной тканью, выставленные в витрине в рекламных целях. Жить по соседству с таким заведением могли только люди с очень крепкими нервами.

Поэт усадил меня в скрипучее, противно продавленное кресло, угостил крепким кофе и завел следующий разговор:

– Понимаешь, старик, я крупными литературными формами никогда не занимался. Максимум – рассказ страниц на десять. А тут такое дело – книга! Страниц на четыреста. И срочно!

– Какая книга? – не понял я, отпивая из чашки кофе и рассматривая убогое убранство кельи поэта.

В комнате из мебели имелись лишь расшатанный письменный стол, два кресла, полупустой книжный шкаф и узкая кровать, застеленная стареньким коричневым покрывалом. На стенах, оклеенных обоями бежевого цвета, висели странные, без рамок картины, изображающие библейские сюжеты, написанные черной тушью на ватмане. На одной из них было изображено, как Каин сцепился с Авелем. Картина отображала начало смертельной схватки. При этом у обоих братьев прорисовывалось совершенно зверское выражение лиц. И не было очевидным, что Каин в ней станет победителем.

– На днях мне позвонил один очень влиятельный человек, просил написать за него книгу. Что – то наподобие мемуаров. О его босоногом детстве, лихой юности, разудалой молодости, авторитетной зрелости. Обещал неплохо заплатить. Короче говоря, мне этим заниматься некогда, я сборник стихов готовлю к изданию, а тебе будет неплохой калым.

Поэт протянул мне листочек бумаги с номером телефона влиятельного человека, мы допили кофе и я ушел.

На следующий день, собравшись с силами, позвонил заказчику:

– Алло, это вам нужно написать книгу?

– А ты кто? – донесся из трубки хриплый тяжелый голос.

Я представился и с минуту выслушал громкое сопение. Потом заказчик недовольным голосом изрек:

– Ладно, подгребай прямо сейчас, – он назвал адрес и отключил трубку телефона.

Я приехал в назначенное место. Это был дорогой ресторан в центре города. После небольшого препирательства с охранником меня пропустили в офис. Кабинет хозяина ресторана поразил меня своим гигантскими размерами и восточной роскошью.

Но еще больше поразил сам хозяин – огромный детина лет тридцати в малиновом пиджаке с золотой цепью толщиной в палец на бизоньей шее. Короткая стрижка, низкий лоб, перебитый нос, шрам на щеке, квадратный непробиваемый подбородок, холодный взгляд серых бесстрашных глаз – верные признаки криминального авторитета тех криминальных лет.

– Ты Черепа знаешь? – спросил он, едва я вошел в его кабинет и остановился у двери, озираясь.

– Нет. А кто это?

– Да так, один пахан с Урала. Я на прошлой неделе со своей братвой у него на заимке оттягивался по полной программе. Да ты не стой как памятник Чернышевскому возле парка «Липки», проходи за стол, пей, ешь, кури. Свежей текилы хочешь?

– Как это – свежей? – я без всякой робости подошел к столу и уселся в огромном кожаном кресле.

– Да только что привезли. Сто бутылок. Параша в натуре! Хуже самогона!

Я не стал спорить или соглашаться. Я знал точно, самым ужасным спиртным напитком является корейская водка «Пхеньян сул», настоящая на каком – то живительном, но очень дурно пахнущем корне. Этим алкогольным продуктом в советские времена были затоварены все продовольственные магазины Дальнего Востока. И даже закоренелые пьяницы употребляли его с большущим омерзением.

– Короче, – пробасил авторитет, – были мы у Черепа, посмотрели, как живет. Землянка у него двухэтажная в центре Екатеринбурга. Ну, у меня в Саратове не хуже. Тачек навороченных штук десять. И у меня не меньше. Заимка за городом в цвет. С банькой, лесочком и озером. И у меня такая есть на Кумысной Поляне. Братва бодрая. Моя не хуже. Телки с ногами от ушей. Как у меня. Короче, нормально Череп живет, по – людски. Как я. Текилу пьет...

Авторитет вдруг задумался, и на его суровом лице просияла абсолютно детская улыбка, нежная, наивная, как василек на лугу...

– Понимаешь, подлянка конкретная вышла, век воли не видать, когда я от Черепа уезжал, он подошел к книжному шкафу, вынул из него толстую книжку и подарил мне. Вот посмотри.

Авторитет протянул мне через стол увесистый фолиант. На твердой обложке золотой сияли имя и фамилия автора и название книги «Владимир Черепков. Мои хождения по мукам». Я невольно раскрыл книгу и обнаружил дарственную надпись, выполненную черными чернилами и размашистым почерком: «Братану Толяну Сивому от Вавана Черепа на долгую память с пожеланием долгих лет жизни, добра и мира, любви и счастья».

Я перевел взгляд на Толяна. На его мощные кулаки, лежащие на столе в полуметре от меня, и на короткие толстые пальцы, верхние фаланги которых поросли густым черным волосом и были расписаны татуированными перстнями.

– Хочу такую же книжку, как у Черепа, но красивше, – тихо, но твердо произнес авторитет. – Три штуки баксами отстегну!

Я от удивления растерялся.

– За неделю напишешь? Ко мне скоро Кирюха Питерский приезжает, хочу его конкретно удивить.

– За неделю? – удивился я, – четыреста страниц?! Это нереально. Чтобы написать книгу потребуется как минимум...

– Да все реально, – махнул Толян безапелляционно рукой, – у нас в тюрьме на хате один писатель за ночь по сто маляв на волю сочинял. Жаль мужика, его потом на лесоповале кедром придавило. Я тут тебе в помощь кое – что накалякал. Разберешься.

И авторитет протянул мне аудиокассету.

– Короче, с типографией я уже договорился. Они мне книжку за один день напечатают. Ну, а тебе сроку – неделя. От звонка до звонка. Иди, трудись!

– Аванс не выпишите?

– Могу выписать только мандюлей!

Книгу я написал в срок. Трудился по – черному, как афроамериканец на тростниковых плантациях. Типография фолиант напечатала. А обещанный гонорар получить не смог. Еще до приезда Кирюхи Питерского Толян Сивый пал смертью глупых в кровавой криминальной разборке.

Кузьмич

Понять загадочную русскую душу трудно. Но вполне возможно. Для этого не требуется проводить философский семинар или какое – то особое социологическое исследование. Надо лишь пристально острым глазом взглянуть на жизнь простого человека, проживающего желательно в глубинке, там, откуда произрастают корни и бьют глубинные ключи русского менталитета.

История эта произошла в ту пору, когда я был студентом пятого курса Саратовского государственного педагогического института. То есть очень давно. Или как говорят остряки, в ту пору, когда перестройка еще не закончилась перестрелкой, и пианино в «комиссионке» стоило 200 рублей. От себя же добавлю, когда упование еще доставляло упоение. А проще сказать, надежды были радужными...

Мы с Олегом Кочерженко и двумя девчонками с нашего курса приехали на педагогическую практику в одну из забытых Богом, партией и правительством деревень, название которой теперь уже слиняло из моей неострой памяти. То ли Чемодуровкой та неприметная деревушка звалась, то ли Грязевкой. Поселили нас в заброшенном школьном интернате, выделив две лучшие комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.